

В течение последнего года в отношениях между Россией и Европейским Союзом происходили позитивные перемены. Этому способствовало несколько важных факторов. И Россия, и Европейский Союз оказались в числе наиболее пострадавших от экономического кризиса. Россия в первую очередь — из-за высокой зависимости от спроса на энергию в странах Евросоюза. Теперь в Москве очень надеются, что в Европейском Союзе восстановился экономический рост и возобновился спрос на российское сырье.

Евросоюз выходит сейчас из кризиса медленнее, чем другие регионы мира, медленнее, чем Россия. Россия рассматривается в этой ситуации как возможный перспективный рынок и даже как возможный мотор, который поможет ускорению европейской экономики, особенно после того, как уже в 2010 году возобновился импорт в Россию товаров из стран ЕС. С этого года можно говорить о возобновлении интереса к России как к рынку инвестиций.

На протяжении последних недель я был свидетелем заседаний деловых европейских структур, которые обсуждали проблемы инвестирования в Россию в связи с новой волной приватизаций, идущих в нашей стране. События на Ближнем Востоке, которые, я думаю, еще будут иметь продолжение и долговременные последствия, также позволяют взглянуть на Россию в большей степени как на надежного и предсказуемого партнера в сфере энергетической безопасности. Во всяком случае, Россия выглядит с этой точки зрения более привлекательно, чем многие ближневосточные страны, переживающие серьезные политические потрясения. То есть мы стали больше ценить друг друга как партнеры. Кроме того, из-за кризиса европейские партнеры России обращены в себя и меньше склонны к тому, чтобы морализировать или учить жить кого-то за пределами Евросоюза, в том числе и Российскую Федерацию.

Важно, что произошла перезагрузка отношений России с целым рядом государств. На первое место в контексте Европейского Союза я бы поставил перезагрузку со странами Восточной Европы, прежде всего с Польшей, которая долгие годы выступала проблемной страной в развитии отношений России и ЕС. Мы смогли в конструктивном ключе обсудить проблемы истории, которые нас разъединяли. Сейчас у Польши гораздо больше исторических вопросов к Украине, чем к Российской Федерации. Нас сблизил трагедия в Смоленске и известный рост евроскептицизма в самой Варшаве. Произошло сближение с Латвией, где сейчас гораздо более спокойное в отношении России правительство. Визит президента Латвии в Москву, который состоялся недавно, был бы невозможен еще пару лет назад.

Большую роль сыграла и перезагрузка в российско-американских отношениях, которая нашла выражение в ратификации договора «Старт-3». Обмен ратификационными грамотами произошел в ходе Мюнхенской конференции. Существуют шансы на дальнейшую перезагрузку, в том числе в военно-политической сфере, в связи с возможностью создания совместной системы противоракетной обороны. Если это произойдет, мы в значительной степени поменяем контекст отношений. Правда, я не большой оптимист в отношении того, что это действительно удастся сделать.

В последние годы произошла и перезагрузка мировой политики, связанная со смещением глобального центра силы тяжести на восток и на юг. Европа и европейский континент в широком смысле этого слова, включая и Россию, и борьба за него впервые за последние пять столетий перестала быть центральным вопросом мировой политики. На этом фоне Россия не выглядит угрожающе для стран Европейского Союза. Более того, она ощущает себя в этом мире, где растут гиганты на востоке и на юге, все более маленькой и одинокой страной, особенно после того, как в прошлом году по численности населения Российскую Федерацию обогнали сначала Бангладеш, а затем Нигерия. Европа без России тоже чувствует себя небольшой и достаточно одинокой, учитывая, какими экономическими и демографическими темпами растут другие центры силы. Отсюда осознание того, что мы, в общем-то, не такие разные, как это нам казалось в начале диалога о партнерстве России с Европой. Мы чувствуем, что мы в большей степени находимся в одной лодке и что эту лодку раскачивать не надо.

В качестве основных тем сегодняшней конференции мы выбрали проблемы, которые, на мой взгляд, представляют сейчас первоочередной, практический интерес. Мы обсудим нерешенные конфликты. Я жду деталей германской инициативы по Молдове, которая всех заинтриговала в свое время, но детали так и не были раскрыты. Затем мы поговорим о новом договоре России и Евросоюза о партнерстве и сотрудничестве. Договор на протяжении уже многих лет находится в работе, и хорошо уже то, что эта работа ведется. Третья тема — евроатлантическая безопасность: Россия, Европейский Союз, НАТО, а

также вопросы европейской ПРО. И вместо Договора о европейской безопасности — инициатива, выработка которой принадлежала президенту Дмитрию Медведеву. Наконец, партнерство России и Европейского Союза ради модернизации: что мы можем сделать для того, чтобы продвинуть процессы модернизации российской экономики, может быть, и европейской экономики, которая тоже, на мой взгляд, в некоторых аспектах в модернизации нуждается.

Хочу напомнить, что фонд имени Фридриха Эберта совместно с Академией наук провели исследования по такой теме: готово ли российское общество к модернизации. Это был, конечно, риторический вопрос, мы это прекрасно понимаем. Результат был такой: население России ждет от модернизации, прямо скажем, социальной справедливости. Вот что самое важное. И об этом еще мало говорят.

Партнерство для модернизации уже работает, хотим мы того или нет. Осуществляется огромное количество проектов. Я участвовал в заседании одного инвестиционного фонда, где как раз решалось, как потратить 630 миллионов евро на инфраструктурные проекты в Российской Федерации. Конечно, есть проблема утечки умов, но она для нас общая. Из стран Европейского Союза в Америку уезжает больше ученых, чем из Российской Федерации.

Итак, евроатлантическая безопасность и треугольник отношений России, ЕС, НАТО. Что будет с европейским ПРО, Договором о европейской безопасности? Благодаря WikiLeaks недавно весь российский народ узнал, что, оказывается, НАТО имеет планы военных действий против Российской Федерации. Более того, эти планы начали разрабатываться по просьбе наших прибалтийских друзей после известных событий в августе 2008 года. В принципе и до разоблачений WikiLeaks это было известно. Может быть, и не всей российской общественности, но наиболее просвещенной ее части. Также мы с большим интересом отметили новую американскую концепцию в ведении боевых действий, которая применяется в отношении того, что называют nation-state aggressors. Есть подозрение, кое-чем подкрепленное, что это все имеет к нам прямое отношение.

С другой стороны, если мы посмотрим последнюю оборонную концепцию Соединенных Штатов, которая недавно обнародована, Россия там практически не упоминается. Есть один абзац, в котором говорится о сотрудничестве. Китай упоминается в качестве глобального вызова для Соединенных Штатов Америки. Сотрудничество по ограничению стратегических наступательных вооружений продолжается, хотя я не думаю, что в ближайшее время мы приблизимся к соглашению по тактическому ядерному оружию. Вопросы по ПРО весьма непростые, американцы еще сами не решили, что они хотят и в какой конфигурации. Мы чувствуем, что с их стороны есть нежелание в этой сфере сотрудничать — даже со своими европейскими партнерами. Во всяком случае, мне доводилось в Вашингтоне слышать вопрос: «Как вам больше интересно: чтобы мы сделали ПРО на двусторонней основе или все-таки с участием наших партнеров по НАТО?». Конечно, учитывалось, что Россия более продвинута в создании систем ПРО, нежели наши европейские друзья.

О Договоре европейской безопасности, который предложил президент Дмитрий Медведев. Сейчас при каждом удобном случае наши дипломаты говорят, что реализация этой идеи позволила нормализовать отношения с Соединенными Штатами, с Европейским Союзом. А в Европе говорят, что они даже не заметили эту инициативу. Что будет с этим договором? Можно ли его рассматривать в качестве инициативы, на основе которой может выстроиться неразделенное будущее безопасности в Европе, как ее видел де Голль, от Атлантики до Урала, или от Атлантики до Ванкувера, как об этом говорила Маргарет Тэтчер?

Вернусь к проблеме противоракетной обороны. Уверен, что ПРО станет моментом истины, поскольку от развития этого направления будет зависеть будущее наших отношений. ПРО увязана и с проблемами нового Договора между Российской Федерацией и США о ядерном разоружении. Он предусматривает, как известно, сокращение арсеналов на две трети до 2012 года. Этот договор стал следствием предшествовавших двусторонних соглашений «Старт-1» и «Старт-2». Не все в новом договоре полностью удовлетворяет стороны, не случайно при ратификации в сенате Соединенных Штатов и в Государственной Думе в документ были внесены серьезные оговорки. Соединенные Штаты, например, внесли оговорку, что ничто в договоре не ограничивает Соединенные Штаты от создания систем противоракетной обороны. Россия высказалась в том смысле, что если США будут создавать системы ПРО, которые создадут проблемы для российского стратегического потенциала, то она будет считать себя свободной от каких-либо обязательств по договору.

Поэтому такой вопрос: сколько действительно Европа готова платить за оборону? Пока что ответ очевиден — мало. Только пять стран в Европе выдерживают обязательства тратить более двух

процентов своего ВВП на оборону. Причем не самые большие страны. Средняя цифра по Евросоюзу, по НАТО — 1,7 процента от ВВП, причем за счет высокой доли Соединенных Штатов, которые тратят больше 4 процентов. Судя по всему, Европа хочет меньше платить за оборону. Другой вопрос: сколько Соединенные Штаты готовы платить за оборону Европы? Во всяком случае, очевидно, что США будут испытывать определенные финансовые ограничения. И большая доля военных расходов станет касаться непосредственных военных операций, связанных с Афганистаном и с Ираком. Это значит, на Европу в принципе будет приходиться сокращающаяся доля расходов.

Для меня очевидно, что Соединенные Штаты и НАТО в целом не уйдут из Афганистана ни в каком обозримом будущем. Во всяком случае, сейчас именно в Афганистане осуществляются самые массированные программы строительства военных объектов в мире. Причем это делается не в тех регионах, где действует «Талибан», а ближе к северным и восточным границам Афганистана. То есть ясно, что Соединенные Штаты хотят закрепиться в Афганистане надолго, решая задачи, связанные не с талибами, а с геополитическим позиционированием в регионе, который граничит и с Ираном, и с Китаем, и с Индией, и с Центральной Азией. А через них — с Россией. Поэтому, я думаю, Афганистан будет по-прежнему втягивать в себя очень большое количество и средств, и внимания Соединенных Штатов Америки. Не случайно сейчас одна из задач военной концепции США — это увеличение количества Deployable Forces, потому что в данный момент все Deployable Forces находятся либо в Ираке, либо в Афганистане. И если сейчас встанет вопрос о еще одной военной операции, то будет очень сложно что-то делать, даже если речь пойдет об Иране или Северной Корее.

То есть, кто и сколько готов платить за европейскую безопасность — вопрос действительно нетривиальный. Россия тоже в таком положении, что не будет осуществлять какие-то рывки в военном строительстве. Это точно не входит в наши планы даже сейчас, когда идет увеличение зарплат военнослужащих, что не выходит за рамки трех процентов российского ВВП. Вопрос цены безопасности очень важен.

На таком фоне соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским Союзом — самый сложный вопрос в наших отношениях, и продвижение к его решению возможно после того, как Россия вступит в ВТО. Это, скорее всего, произойдет в обозримом будущем. Но в любом случае переговоры рискуют затянуться до той поры, когда могут произойти любые, пока не представимые, изменения.

В области безопасности, таким образом, существует большая и не реализованная повестка дня, от которой во многом будет зависеть характер наших отношений. В частности, как разрешится вопрос по ПРО, сумеем ли мы выйти на договоренности по общеевропейской безопасности или хотя бы на договор об обычных вооружениях в Европе.

НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич,
исполнительный директор фонда «Русский мир»,
главный редактор журнала «Стратегия России»